

ные покровы ея души; какъ эта душа, страдая, оживаетъ и, пробужденная, воскресшая, подымается на невѣдомую ей дотолѣ высоту любви, приносящей себя въ жертву.

Романъ приходитъ къ концу; Нехлюдовъ и Маслова уже въ Иркутскѣ.

— На сколько человѣкъ построенъ замокъ?, спрашивалъ англичанинъ чрезъ Нехлюдова. Сколько заключенныхъ? Сколько мужчинъ, сколько женщинъ, дѣтей? Нехлюдовъ былъ весь еще подъ впечатлѣніемъ довольства, испытанного имъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ; общенія съ развитыми, симпатичными людьми своего круга, сонаты Бетховена; тронутый переливающейся чрезъ край, счастливой, себялюбивой любовью молодой матери, показавшей ему своихъ малютокъ, онъ ожидалъ свиданія съ Катюшой. Она вошла въ арестантской кофтѣ; тяжелое, непріязненное чувство шевельнулось въ немъ. „Я жить хочу, хочу семью, дѣтей, хочу человѣческой жизни“, мельнуло у него въ головѣ.

Онъ всталъ и ступилъ нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу. Она ничего еще не сказала, но возбужденное лицо ея поразило его. Лицо ея сіяло восторженной рѣшимостью.

— Вы знаете? спросилъ Нехлюдовъ.

— Да, мнѣ передавали; только я теперь рѣшилась. Я буду проситься съ Владиміромъ Ивановичемъ . . .

— Какъ съ Владиміромъ Ивановичемъ? началь было Нехлюдовъ; но она перебила его.

— Что-жъ, коли онъ хочетъ, чтобы я съ нимъ жила, испуганно остановилась и поправилась . . . , чтобы я при немъ была. Мнѣ чего-же лучше? А, можетъ быть, и ему буду полезна, да и другимъ . . . Что-же мнѣ?

Если вы любите его . . . сказалъ онъ.

— Я вѣдь не знала никогда такихъ людей; ихъ нельзя не любить. И Владиміръ Ивановичъ совсѣмъ особенный.

— Да, разумѣется, началь Нехлюдовъ. Онъ прекрасный человѣкъ, и я думаю . . .

Она перебила его, какъ-бы боясь, что онъ скажетъ лишнее или что она не скажетъ всего.

— Нѣть, вы меня простите, если я не то дѣлаю, что вы хотите, сказала она.—И вамъ жить надо.

. . . . Неужели между нами все кончено?